Континент; 1273 года назад

«Братья мои, я призываю вас в последний раз передумать», — взмолилась Гайнеам. «Пожалуйста, не делайте этого. Это нарушение воли Эссеи».

Жрец эльфийской нации и лидер Священного города столкнулся с правителями остальных одиннадцати крупнейших общин Аэн Сейдхе. Позади него стояли два его сына, Тайбсир и Маккарег.

« Братья мои , — сказала прекрасная незнакомка, одетая в сверкающие белые одежды, — неужели ваш Бог действительно сказал, что вам не разрешено посещать его царство? Мне кажется, он хотел бы, чтобы вы были в его присутствии».

Он тоже обращался к одиннадцати королям городов-государств Эн Сейдхе.

— Конечно, будет, — продолжил незнакомец своим командным голосом. «Но нам следует пожалеть жалкого Гайнама».

Затем он повернулся к священнику и улыбнулся.

«Старые и слабые всегда боятся нового. Они трепещут перед прогрессом. Они находят утешение и безопасность в узах традиций – даже когда эти узы ничего не делают, а лишь порабощают вас».

Сияющая фигура оглянулась на одиннадцать королей.

«Я здесь, чтобы дать вам свободу – свободу, которую вы желаете. Слушайте свои сердца, братья мои. Я знаю, что вы слышите это – ваши сердца зовут вас быть свободными».

Он посмотрел каждому эльфу в глаза.

«О, да, я чувствую это в тебе. Ты жаждешь вкусить ее… ведь свобода так… сладка», — сказал он с улыбкой. «Итак, разорвите эти узы и живите по-настоящему».

Наконец, выступил Дойль, король крупнейшего города-государства.

«Апофис говорит правду, Гайнеамх. Мы слышали твои предупреждения. На протяжении веков мы не слышали ничего, кроме твоих предупреждений. Они никогда не сбывались. Твой страх перед Эссеей расстроил твой разум… и наше решение было принято», — закончил он. , глядя на своих собратьев-королей, выстроившихся рядом с ним. Он увидел, как головы кивнули в знак согласия.

Дуйль шагнул вперед к Апофису и протянул руку.

«Друг мой, — сказал он, — для меня будет честью активировать диск».

Апофис по-братски сжал плечо Дойля и улыбнулся ему в лицо.

«К сожалению, мой брат, никто из вас не совсем готов владеть моим посохом… пока, по крайней мере. Но скоро, очень скоро вы будете. Скоро у вас будет вся власть в мире. Но сейчас я это сделаю. придется активировать его самому».

Когда человек в белом подошел к большому устройству, расположенному в центре ессейского храма, Маккарег начал обнажать меч на своем бедре. Гайнеам вытянул правую руку, чтобы

остановить продвижение сына.

— Нет, Маккаррег, — сказал он, поворачиваясь к младшему. «Они сделали свой выбор».

Затем он снова посмотрел на одиннадцать.

«Не обманывайтесь, братья мои. Ессея не будет поругаема. Вы пожнете то, что посеяли».

Апофис в последний раз улыбнулся Гайнеамху, прежде чем повернуться и вставить длинный серебряный стержень в середину большого устройства. На толстом основании покоился отражающий овальный диск высотой не менее десяти футов. Диск мог вращаться на двух отдельных осях и был сделан из стекла странного типа с серебряным блеском. Как только стержень оказался на месте, Апофис сделал несколько шагов назад, и диск начал медленно двигаться.

Взоры всех в храме были прикованы к нему, ожидая того, что произойдет дальше. Гайнеам перевел взгляд на Апофиса и увидел, что тот смотрит прямо в ответ с широкой улыбкой на лице. Когда диск начал вращаться все быстрее и быстрее, незнакомец начал смеяться. Чем быстрее вращалось устройство, тем громче становился его смех, пока в конце концов не разнесся эхом по всему храму.

«Теперь вы познаете силу, которая приносит истинную свободу!» — крикнул Апофис.

Диск вращался так быстро, что стал размытым, а затем внезапно храм наполнился белым светом.

Король Лайдже прикрыл глаза от ярких искр, вылетающих из вибрирующего вращающегося устройства, и одна мысль заполнила его разум: «Это неправильно». Он знал, что слушать прекрасную незнакомку было ошибкой. Так почему же тогда он не встал на сторону Гайнема? Почему он не выступил вместе с эльфийским жрецом и лидером Священного города против остальных десяти королей? Он признал истину в предостережении Гайнеама против создания устройства Апофиса и попыток войти в божественное царство без разрешения Эссеи. Так почему же он не высказал своего мнения?

Но в глубине души Лайе знал почему. Он ясно и стыдно знал, почему не выступил против них. Его город был самым маленьким из двенадцати. Хотя другие лидеры никогда не говорили ничего явного или явного, он всегда мог видеть снисходительность в их глазах, когда они смотрели в его сторону. Он слышал насмешку в их голосах, когда они упоминали название его города. Он был Лайе, лидером самых маленьких, правителем самых слабых. Для него до сих пор оставалось загадкой, почему его вообще назначили главой города. Но, по крайней мере, дома он чувствовал себя уверенным в себе, уверенным в своих силах. Он гордился тем, как жители Бига смотрели на него, искали его совета.

Но в этой группе гигантов Аэн Сейдхе он был никем, и ему было ненавистно то, что он чувствовал. Ему бы хотелось показать им, что он – и, соответственно, его город – не менее важен, чем они, но те несколько раз, когда он пытался, их насмешливые улыбки пристыдили его. Он мог сказать, что они лишь потешались над ним, прислушиваясь к его мнению, точно так же, как поступали бы с ребенком. Они заставили его почувствовать себя ничтожным. Поэтому с последнего раза он просто всегда шёл вместе с большинством.

Лайе слышал зловещий смех Апофиса, эхом разносившийся в его ушах, но когда он прищурился от вспышек света, чтобы мельком увидеть незнакомца, облаченного в сияющие белые одежды, его нигде не было.

"Куда он делся?" - кричал он никому конкретно.

Любой ответ эльфов Аэн Сейдхе вокруг него был заглушен самым громким раскатом грома, который Лайдже когда-либо слышал. Различные произведения искусства и украшения начали падать со стен ессейского храма, и он инстинктивно вскинул руки в стороны, чтобы сохранить равновесие, поскольку весь каменный пол под его ногами начал трястись. Вокруг продолжал раздаваться оглушительный грохот, и он увидел, как Гайнеам бросился к парадным дверям храма и распахнул их. Ураганный ветер ворвался в храм, причинив ему еще больший ущерб. Как и остальные эльфы вокруг него, Лайдже выбежал на портик храма, где и стоял, пораженный зрелищем перед ним. Внизу, в городе и дальше на равнинах внизу, один за другим ударяли в землю молнии.

Затем внезапно Лайе почувствовал странное ощущение, как будто воздух вокруг него стал тяжелым и живым. Он быстро посмотрел вниз, чтобы увидеть, схватил ли эльф рядом с ним его руку, но ничего там не увидел. Он почувствовал что-то на затылке, но когда обернулся, там тоже никого не было. Он сошел с ума? Потому что он мог поклясться, что чувствовал какую-то невидимую силу, давящую и давящую на различные части его тела, даже заставляя его уши «хлопать».

«Что это, во имя Эссеи!?» он услышал, как кто-то рядом с ним крикнул.

И тогда он увидел большое голубоватое овальное кольцо, появившееся из ниоткуда в пятидесяти футах, прямо во дворе храма. Внезапно его поле зрения наполнилось десятками и десятками этих порталов, которые начали материализоваться – каждый раз с очередным громким раскатом грома – над ландшафтом внизу. Лайе стоял с разинутым ртом, наблюдая, как огромное крылатое существо выходит из ближайшего портала. Он никогда не видел ничего подобного. Существо издало отвратительный визг, а затем расправило чешуйчатые крылья. Мощным толчком вниз монстр покинул территорию храма и полетел, поднимаясь все выше и выше в воздух.

Внимание Лайе внезапно отвлеклось от гигантского летающего монстра, когда он заметил дым, пламя и крики многочисленных Аэн Сейдхе, доносившиеся из Священного города. Краем глаза он уловил движение и увидел, как Гайнеам, двое его сыновей и двое его собратьев-королей сбегают по ступеням портика, через территорию храма и на улицы города - предположительно, чтобы помочь тем, кто в беде. . Когда он собирался следовать за ним, он услышал леденящий кровь вой, доносившийся снизу. Из ближайшего портала вышел еще один зверь, медленно поворачивая голову из стороны в сторону, словно охотясь за добычей. Страх мгновенно заполонил разум Лайе.

Монстр ходил на всех четырех ногах, как собака, но на этом сходство заканчивалось. Он был размером с мускулистого эльфа, но совершенно безволосый. У него была черно-красная кожа, как у ящерицы; десятидюймовые черные когти, выходящие из каждой лапы; и десятки маленьких черных шипов, торчащих из верхней части его спины и головы. Но больше всего Лайе испугало лицо зверя. Оно выглядело почти как эльфийское, с глазами, носом, ушами и ртом, расположенными одинаково, но его глаза были самыми темными из ночи, а рот был наполнен зазубренными треугольными зубами, и из его тела падали длинные ниточки красноватой слюны. губы. Глаза существа остановились на эльфийских королях на портике, а затем оно издало пронзительный крик, который, казалось, отбросил Лайе на несколько шагов. Он поймал равновесие, и когда он снова посмотрел на монстра, он заметил две вещи: его прежде маленькие шипы торчали почти на два фута из его тела, и он быстро несся к эльфам.

Лайдже и другие Аэн Сейдхе немедленно вскарабкались обратно внутрь храма, захлопнув

двери всего за несколько секунд до того, как в них врезался покрытый шипами зверь. Пока четверо эльфов всем своим телом прижимались к толстым деревянным дверям, двое других схватили тяжелые металлические стержни и вставили их в соответствующие отверстия, чтобы запереть вход. Все они инстинктивно вздохнули с облегчением, но это длилось недолго, поскольку они услышали, как монстр яростно царапает двери снаружи и издает ужасающий крик.

Когда другие эльфы медленно отошли от входа в храм, Лайдже повернул голову и посмотрел на вращающееся устройство Апофиса. Он больше не жужжал и не излучал вспышки света, и Лайе казалось, что его обороты постепенно уменьшаются. Лидер Бига начал медленно приближаться к устройству. К тому моменту, когда он стоял перед ним, вращение полностью прекратилось. Он поймал свое отражение в серебристом стекле, а затем заметил конец стержня Апофиса, торчащий из середины некогда вращавшегося диска. Когда он осторожно протянул руку, чтобы схватить посох, он услышал голос сзади.

«Лайе! Что ты делаешь? Держись подальше от этого!»

Лайе узнал голос, принадлежавший королю из соседнего города на севере, и слегка повернул голову, чтобы заглянуть через плечо. Но, проигнорировав предупреждение, он снова повернулся к устройству перед ним. Его рука на мгновение замерла в дюйме от посоха. Затем он протянул руку и схватил его за конец, и боль мгновенно взорвалась по всему его телу.

Лайе вскрикнул в агонии, его тело упало на пол. Стержень, все еще крепко зажатый в его руке, полностью выдернули из устройства.

Другой Аэн Сейдхе в шоке наблюдал, как его тело дергалось и билось в конвульсиях на полу храма, и крики мучения вырывались из его горла. В конце концов, один храбрый эльф бросился вперед и преклонил колени рядом с Лайдже. Он потянулся, чтобы схватить его за плечи, но как только его руки коснулись Лайе, какая-то невидимая сила отбросила его назад на двадцать футов. Голова эльфа треснула о каменную стену храма, и его тело безвольно упало на пол.

Лайдже продолжал издавать мучительные крики в течение нескольких минут, чувствуя, как будто его тело тает изнутри. Он мог чувствовать, как части его самого буквально сдвигаются и меняются внутри. Как только боль во всем его теле начала утихать, он испытал самую сильную агонию в своем мозгу. Он инстинктивно поднес обе руки к вискам, его правая рука все еще крепко сжимала металлический стержень. Когда он закрыл глаза и снова закричал, перед ним мелькнул образ тысяч крошечных, похожих на ленты червячков – их рты полны острых, похожих на пилы зубов – медленно зарывающиеся и прокладывающие себе путь в глубокие уголки его разума, извиваясь. плотно обхватывает щупальца его психики. Он кричал и кричал, пока его голосовые связки не разорвались от стресса. В конце концов, конвульсии и стоны постепенно прекратились, и эльф лег на бок на полу храма, свернувшись клубком и задыхаясь.

Кровь текла из глаз, носа и ушей Лайе. Со стоном он перевернулся на живот, а затем поднялся на колени. Эльф глубоко дышал, изо рта у него свисала кроваво-красная слюна. Он поднес левую руку к лицу и вытер кровь с подбородка, а затем с глаз, пытаясь очистить зрение. Он несколько раз быстро моргнул, а затем посмотрел на жезл Апофиса в правой руке. К его полному удивлению, посох изменил свою форму и теперь представлял собой самый красивый меч, который он когда-либо видел, с серебряным лезвием, настолько лишенным примесей, что он мог прекрасно видеть свое отражение. Он остановился, когда заметил, что его волосы поседели. Когда он посмотрел на себя, на его залитом кровью лице появилась легкая тревожная улыбка.

Лайе медленно поднялся и почувствовал внутри прилив силы, которого он никогда раньше не ощущал. Его мышцы пульсировали от силы, дрожа под кожей и ожидая, когда его высвободят. Он продолжал вглядываться в свое отражение в лезвии меча, а затем его взгляд переместился на теперь уже испуганного Аэн Сейдхе, стоявшего позади него. Ненависть вспыхнула в его голове, когда он вспомнил стыд и смущение, которые эти эльфы постоянно вызывали в нем своим насмешливым высокомерием и снисходительностью. Он медленно повернулся и посмотрел на оставшихся перед ним королей, пристально глядя им в глаза.

«Итак, я Лайе Слабый, верно?» — риторически спросил он, его голос стал скрипучим и резким из-за поврежденных голосовых связок.

— Лайе, ты в порядке? и «О чем ты говоришь?» были лишь два из запутанных ответов.

Он медленно вращал запястьем перед собой, меч сверкал из стороны в сторону, и на его лице появилась жестокая хищная улыбка. Затем он поднял меч вверх и в сторону, глядя на него с удивлением и трепетом.

«Теперь вы, Эйн Сейдхе, увидите, насколько вы слабы и ничтожны », — прорычал Лайдже.

Он повернул голову, посмотрел в глаза ближайшему эльфу и глубоко вдохнул. Внезапно он направил меч в сторону эльфа, и, ко всеобщему удивлению, из кончика меча вырвался поток огня, охвативший эльфа. Выражение лица Лайе выражало чистую радость. Когда интерьер храма наполнился криками и зловонием горящего Аэн Сейдхе, Лайдже быстро взмахнул запястьем, и вспышка черного света вырвалась из меча, сбив с ног второго эльфа. Чернота казалась действительно живой. Он просочился в кожу лежащего эльфа, а затем начал ползать по его венам. Его крики агонии теперь соответствовали крикам все еще горящего эльфа.

Медленный, глубокий смех начал вырываться из горла Лайе, когда он увидел смерть вокруг себя. Внезапно двое оставшихся эльфов побежали к запертым парадным дверям, а двое других бросились к Лайдже с обнаженным оружием. Простым поворотом его запястья из меча вылетело несколько молний и поразило двоих нападавших, их тела неудержимо сотряслись в конвульсиях, прежде чем упасть на пол. Двое Аэн Сейдхе отчаянно пытались открыть двери храма, но он быстро – и почти без усилий – расправился с ними своим мощным оружием. Затем он сам медленно снял металлические прутья и с легкостью распахнул тяжелые двери. Алгул, все еще находившийся на портике храма, тут же подпрыгнул в воздух, вытянув когти и разорвав тело эльфа. Лайе резко взмахнул мечом, полностью разрезав монстра надвое.

Правитель крошечного города Биг стоял на портике храма Эссеи, глядя вниз на хаос и разрушения под собой в Священном городе и на равнинах за его пределами. И он улыбнулся. Некоторое время он смотрел на меч в своей руке, а затем снова сосредоточил свое внимание на кровавой бойне перед ним.

«Они все преклонят колени… или умрут… или и то, и другое», — заявил он с рычанием, а затем медленно спустился по ступеням храма.

ooo

Нильфгаардская провинция Маехт; Сентябрь 1273 г.

Лидиал сидел в темной комнате небольшой гостиницы на окраине города Маехт. Она была привязана к стулу, а на столе рядом с ней стояла единственная свеча, ее небольшого пламени было достаточно, чтобы не дать ей поглотить полную темноту. Она слышала обычные шумы оживленной таверны прямо под ней – скрип стульев по деревянному полу, приглушенные

голоса посетителей, хлопающие двери.

Она постоянно молилась с тех пор, как покинула пещеру, и изо всех сил старалась не терять надежду, но, учитывая состояние павших, окровавленных и изломанных тел Иви и Геральта в последний раз, когда она видела их , она знала, насколько маловероятно их выживание. Если бы Эссеа пообещал ей, что они выживут, все было бы по-другому. Тогда она могла бы успокоиться на этом обещании, прекрасно зная, что оно будет выполнено. Однако она не получила такого обещания от своего Бога и поэтому знала, что, хотя Эссея и слышал ее молитвы, не было никакой гарантии, что он ответит на них так, как она хотела. Поэтому она просто молилась, чтобы Эссея утешала их, где бы они ни находились.

Лидиал была в середине этой молитвы, когда дверь в комнату открылась и вошел Баркейн. Аромат тарелки с едой, которую он нес, донесся до Лидиал, и у нее потекли слюнки. Баркен поставил тарелку и кружку с каким-то напитком на стол перед ней, а затем потянулся, чтобы отвязать ей руки от стула.

— Вот, Нейн, — сказал он. «Я верю, что ты не убежишь».

Лидиал был в противоречии. Ей нужно было многое сказать внуку – они не разговаривали друг с другом с тех пор, как покинули пещеру в горах – но она также умирала от голода. Последние несколько дней она была так расстроена, что ей было трудно что-либо вытолкнуть из себя. У нее просто не было аппетита. Наконец она решила, что может есть и говорить одновременно, и принялась за трапезу. Через минуту запихивая еду в рот, она запила ее медом и посмотрела на внука.

— Почему, Баркен? Зачем тебе так предать собственную сестру?

Он медленно покачал головой.

«Нейн, я думаю, ты удобно забываешь, что это Ангел начала все это, когда она украла книгу у Эмгыра. Если бы она этого не сделала, то она бы все еще была жива. И вообще… я никогда не хотел, чтобы она умерла. Это никогда не входило в план, и я не имел никакого отношения к ее смерти».

«Но ты все равно лгал ей – мне. Неужели Меч важнее для тебя, чем твоя собственная плоть и кровь?»

Баркейн прищурился на бабушку.

«Моя кровь ? Не говори мне о моей крови. Моя кровь проклята», — сказал он с насмешкой.

— Что? О чем вы говорите?

«Аэн Сейдхе прокляты, Наин. Не отрицай этого. Мир ненавидит тебя. Мир не хочет ничего, кроме как искоренить тебя из существования, и он чертовски хорошо с этой задачей справился. Он почти завершен. И, честно говоря, Я даже не виню мир. Вы, Aen Seidhe, презренны – с вашим высокомерием… вашим презрением ко всем, кто не является чистокровным. Вы относитесь к остальным с презрением. Взросление – и ад, даже за последний год и наполовину живу с тобой – со мной обращались хуже, чем с паршивой дворнягой».

«Хорошо, ты прав, я не могу этого отрицать, и мне жаль, что ты прошла через это. Но я никогда не относилась к тебе таким образом. Эванджелина никогда не относилась к тебе так».

«Может быть и так, но ты решил жить с ними. Ты решил жить в этом обществе, когда тебе это не нужно. Ты решил смешаться с этими придурками, тем самым одобряя их поведение».

«Я никогда не одобрял это. Я боролся с такого рода предрассудками».

— Да? Что ж, ты проделала чертовски хорошую работу, Нейн. Затем он покачал головой. «Знаешь, когда тебя изнасиловали и ты забеременела, тебе следовало просто прервать это».

«Что? Как ты можешь так говорить о своей матери? Как ты можешь так говорить о себе ? Если бы я это сказал, тебя бы здесь не было».

Баркен пожал плечами. «Лучше это, чем носить в своих жилах кровь Аэн Сейдхе». Затем он покачал головой, на его лице отразилось презрение. «Всего четверть. Это все, что я испорчен, но этого было достаточно. Эта проклятая эльфийская кровь была проклятием моей жизни. Достаточно плохо, что Аэн Сейдхе смотрят на меня свысока, но эта проклятая богами кровь удерживал меня от всего, чего я когда-либо хотел. Когда я сказал вам, что меня подвергли остракизму в моем подразделении, когда они узнали о моем происхождении, это не было ложью. Все, что я когда-либо хотел, это пойти по стопам Малека, продвигаться по служебной лестнице, быть лидером среди людей. Но эта мечта была украдена у меня – из-за этой проклятой крови».

Бровь Лидиала нахмурилась.

«Мне очень жаль, Баркейн. На самом деле. И я понимаю, почему ты ненавидишь Эн Сейдхе. Ты прав. Они ужасно обращались с твоей матерью, тобой, твоим братом и сестрой, даже со мной. Я не могу защитить их поведение. ... Но вот чего я не понимаю, так это зачем ты помогаешь Нильфгаарду, если ты тоже их так ненавидишь. Они так же плохо с тобой обращались.

Баркейн посмотрел на Лидиала и несколько раз глубоко вздохнул.

«Мне не нужно, чтобы ты понимал. Мне просто нужно, чтобы ты прочитал эти свитки Аэн Сейдхе, а затем сказал нам, где находится Меч».

«Вы не можете быть серьезным», сказала она со сталью в голосе. «Что заставляет тебя думать, что я действительно помогу тебе – и Черным – найти Меч после всего, что ты сделал?»

В этот момент Баркейн придвинул свой стул поближе к стулу Лидиал – так близко, что его колени коснулись ее бедер. Затем он наклонился и тихо заговорил.

«Я не собираюсь угрожать тебе, Нейн. Ты всегда был добр ко мне. Но ты прочитаешь эти сообщения и найдешь нужные нам подсказки. Потому что, если ты этого не сделаешь, я сожгу весь Дол Дворец Блатанна, включая всех твоих драгоценных будущих малышей на третьем этаже. И я обещаю тебе – я смогу. Не думай, что Малек и два его лакея – единственные друзья, которые у меня есть».

ooo

Нильфгаардская провинция Назаир

Иешуа парил сквозь облака, его глаза были сосредоточены на белой вороне, летевшей перед ним. Где-то в глубине души он знал, что должен наслаждаться этим опытом – свободой вырваться из хватки гравитации и плыть по небу – но он совсем не получал от этого удовольствия. Его сердце и разум были обеспокоены. Суматоха происходящего лишила его

покоя. Он знал, что этот опыт не был нормальным. Он пытался передать какое-то сообщение, но он просто не мог его понять.

Внезапно ворона несколько раз взмахнула крыльями и полетела выше из облаков. Иешуа внимательно последовал за ним и затем увидел впереди вершину горы Горгоны. Через несколько секунд они вдвоем пересекли вершину и начали спускаться по восточному склону. Иешуа посмотрел вниз и увидел лесные деревья, проносящиеся мимо него. Когда он поднял взгляд, он увидел перед собой землю Туссен во всей своей красе. Он легко узнал герцогство к северо-востоку от Назаира, поскольку уже бывал там во время своих путешествий.

Когда он и белая ворона приблизились к городу Боклер, его зрение внезапно потемнело, и перед его глазами мелькнул образ – видение волка-альбиноса. Его серовато-белый мех в нескольких местах был испачкан темной кровью. Пока он ковылял по небольшой грунтовой тропинке, он время от времени поднимал голову к полной луне над собой и издавал печальный вой.

Именно тогда Иешуа услышал, как кто-то зовет его по имени.

«Иешуа! Иешуа, вернись ко мне!» — сказал женский голос. Звук исходил так, словно он доносился со дна глубокого колодца.

Иешуа знал этот голос. Он обожал этот голос. Услышав это, его обеспокоенное сердце успокоилось. Когда голос становился все громче и громче, он почувствовал, как его тело дрожит, а затем открыл глаза.

ooo

Горы Тир-Торчайр

Пот стекал по бровям ведьмака и попадал ему в глаза. Он слабо потянулся, вытер лоб, а затем позволил руке безвольно опуститься обратно на бедро. Его бок болел, но это было терпимо. Однако его правая нога была в агонии. Оно пульсировало и казалось пламенным. Ведьмак всегда думал, что у него иммунитет к инфекции, но эта ампутация доказала, что он ошибался. Тем утром он принял укол «Ласточки», но, похоже, он вообще не помогал бороться с токсинами. Что ему действительно было нужно, так это зелье «Белый мед», но у него совершенно не было необходимых алхимических компонентов для его приготовления.

Прошло два дня после смерти Иви, и все это время Геральту потребовалось, чтобы добраться до западной стороны перевала Дуиличинн. Он быстро обнаружил, сколько времени занимает рутинная деятельность при наличии только одной работающей ноги. Он провел часы, пытаясь найти, а затем срезать достаточно ветвей деревьев, чтобы соорудить носилки, на которых можно было бы перетащить труп своей жены. Затем ему потребовалось больше суток, чтобы расчистить оползень с перевала ровно настолько, чтобы позволить своему верблюду перелезть через него.

Теперь он просто изо всех сил старался удержаться верхом на спине верблюда. Его зрение было расплывчатым, голова казалась тяжелой, подбородок продолжал падать на грудь. Но в каком бы плохом физическом состоянии ни находился ведьмак, его воспаленный разум мучился еще сильнее, снова и снова прокручивая события в пещере.

Белый Волк был бестелесным и парил над схваткой. Он посмотрел на себя, стоящего над окровавленным, умирающим телом Иви.

— Дай ей зелье… зелье, — слабо пробормотал он.

Но он наблюдал за собой – вместо того, чтобы заботиться о своей жене – глядя через пропасть на Малека.

— Дай ей… зелье, — сказал он, его голос был полон боли.

Но Геральт в видении никогда не преклонял колени и не заботился о своей любви. Вместо этого, полный ярости и жажду мести, он бросился к своему врагу за мгновение до того, как невидимый человек ударил его ножом. Даже сквозь лихорадочный туман, затуманивающий его разум, он понимал, что упустил шанс когда-либо спасти свою жену.

"Нет нет."

Слова прозвучали невнятно, поскольку его голова покачивалась взад и вперед в такт шагам верблюда.

Внезапно ведьмак отошел от своих мыслей, когда верблюд издал рев, и рев наполнил его уши. Он моргнул и поднял голову, чтобы увидеть, что река Имлебар преграждает ему путь впереди. Сильные штормы, происшедшие две ночи назад, довели реку до переполнения, и тропа, по которой он шел и ведущая вниз с горы, теперь выглядела непроходимой. Он не был уверен, был ли когда-то в этом месте мост через реку, но если так, то его явно смыло. Он все равно погнал своего верблюда вперед.

Когда животное приблизилось к ревущим порогам на расстояние пятнадцати футов, оно внезапно остановилось, а когда Геральт попытался подтолкнуть его вперед, оно в знак протеста отдернуло голову назад. В ослабленном состоянии ведьмак повалился назад с верблюда, и при падении его правая рука ударилась о носилки. Он сломал одну из опор носилок, прикрепленную к концу верблюда, и импровизированная переноска перевернулась на бок.

Геральт с грохотом ударился о землю с правой стороны верблюда и начал скатываться по пологому склону. Он издал кряхтение, когда его спина ударилась о ствол дерева, а когда он поднял глаза, он увидел поврежденные носилки с трупом Иви, скользящие по склону в его направлении и, наконец, остановившиеся примерно в десяти футах от него. густая зеленая трава. Дыхание ведьмака было поверхностным и учащенным, а тело его, лежавшее на левом боку, было покрыто потом.

Он слепо потянулся к маленькому мешочку на поясе и вытащил последний флакон, но нащупал его пальцами. Зелье здоровья упало на землю, и когда оно начало катиться, он потянулся, чтобы схватить его, но оно ускользнуло от его хватки, и его рука не поймала ничего, кроме нескольких травинок. К счастью, однако, пузырек остановился у его бедра вместо того, чтобы продолжить движение вниз по холму и оказаться вне досягаемости. Со второй попытки он схватил его и поднес ко рту, где зубами вынул пробку. Проглотив зелье, он положил голову на землю и закрыл глаза.

Но прежде чем кошмары из пещеры снова начали проигрываться в его сознании, он услышал звуки тихо приближающихся шагов, сопровождаемые свистом зловещей мелодии.

ooo

Назаир

Иешуа несколько раз моргнул, пока его зрение не прояснилось, и он посмотрел на встревоженное лицо своей жены Лейны.

— Это случилось снова? он спросил.

Она кивнула, в ее глазах отчетливо читалось беспокойство.

Последний месяц ее муж страдал от необъяснимых припадков. Они вдвоем посетили всех целителей, травников и алхимиков в маленьком городке Аранбхайле и его окрестностях, но никто не смог обнаружить причину этой новой болезни у молодого и, казалось бы, здорового плотника. Она была в таком отчаянии, что даже предложила ему проехать сто с лишним миль до Нойнройта, чтобы посетить один из городских столбов или ведьм, но Иешуа отказался, поскольку у него не было других тревожных симптомов – пока что. Он не испытывал ни головных болей, ни какой-либо другой боли, и, честно говоря, он всегда с подозрением относился к магии. Сама мысль об этом вызывала у него беспокойство.

— У тебя снова были видения? она спросила.

"Да."

«Тот самый – белая ворона и волк?»

Он кивнул, а затем поднялся и принял сидячее положение.

— На этот раз что-нибудь новое или необычное?

«Да», сказал он, почесывая подбородок сквозь густую бороду. «В этом видении волк был ранен». Затем он глубоко вздохнул. «Конечно, я до сих пор не понимаю, что все это значит».

«Если это действительно что-то значит ». В ее голосе был ясен скептицизм.

«Лейна», — упрекнул он. «Я уже говорил тебе. Эти видения более реальны, чем любой сон, который мне когда-либо снился. Они так же реальны, как и ты сейчас».

На этот раз Лейна вздохнула.

«Тогда поторопись и разберись. Я устала видеть, как мой муж бьется по полу. Это пугает меня до смерти».

Иешуа обнял свою жену.

«Мне очень жаль, Лейна. Мне жаль, что ты проходишь через это. Обещаю, мы скоро это выясним. Это происходит не случайно. Я это знаю».

— Если ты так говоришь, — сказала она. Она все еще не казалась убежденной. "Вы голодны?" — спросила она, теперь хорошо зная, как его тело реагирует на припадки.

«Холодный».

— Тогда вставай и приходи. У меня в кастрюле гуляш.

ooo

Горы Тир-Торчайр

«Привет, Геральт».

— Что, черт возьми ? подумал ведьмак. Он узнал этот голос.

«Боже, боже… ты в ужасном положении, не так ли?»

Когда Геральт услышал приближающийся голос, его сердце действительно начало биться быстрее. Впервые за долгое время – возможно, навсегда – он почувствовал полный страх. Когда голос заговорил снова, он был намного ближе.

«Кажется, что каждый раз, когда мы с тобой встречаемся, ты отчаянно нуждаешься в помощи, но на этот раз… ну… твои обстоятельства самые ужасные, не так ли? Осмелюсь сказать… они почти безнадежны».

Геральт медленно открыл глаза и увидел существо, рядом с которым, как он надеялся, больше никогда не окажется.

«Я победил тебя, О'Димм», — сказал он слабым голосом. «Ты должен был уйти. Такова была сделка».

— И я ушел, Геральт. Я всегда чту свои договоры, — сказал лысый. И тут на его лице появилась улыбка. «Но в нашем договоре никогда не говорилось, что я должен держаться подальше».

— Я забыл, — сказал ведьмак, слабо покачивая головой. «Вы мастер мелкого шрифта и… извращенных интерпретаций».

«Ну, ну… разве я виноват, что вы, смертные, не можете прочитать контракт?» — невинно спросил О'Димм, и его улыбка стала шире.

Ведьмак не удосужился ответить. Его мысли были заняты другими вещами – например, тем, что, черт возьми, О'Димм там делал. Он поднял туловище с земли и сел, прислонившись спиной к дереву. Он посмотрел в темные глаза лысого мужчины.

«Я знал, что это ты был в том маковом берлоге. Знал это», — сказал он, моргая и пытаясь контролировать свое дыхание. «Ты следишь за мной с Азабара».

«О, Геральт, я слежу за тобой гораздо дольше».

"Что почему?" Пот лился с лица Геральта.

«Ты меня интересуешь, Ведьмак. Нечасто кто-то берет верх надо мной. На самом деле, никогда. Итак, я наблюдал за тобой».

— Отлично. Итак… вот мы… только мы вдвоем, — прохрипел Геральт. — Итак, чего именно ты хочешь?

— Зачем, Геральт, помочь старому другу. Что еще?

«Мы не друзья, О'Димм».

«Ааа, Ведьмак. Ты меня ранил».

Затем Торговец Зеркалами присел на корточки и оказался лицом к лицу с Геральтом.

«Ты хочешь сказать, что тебе не нужна моя помощь… потому что, знаешь, я мог бы все это исправить за тебя. Хочешь помочь в поисках твоего друга, Лидиал? Не проблема».

Затем он посмотрел на правую икру Геральта.

«А как насчет новой ноги? Было бы здорово снова ходить, не так ли?»

Когда ведьмак не ответил, он улыбнулся и щелкнул пальцами.

"О, я знаю!" затем он встал и подошел к трупу Иви. «Как насчет того, чтобы я вернул тебе твою возлюбленную? Я знаю, тебе бы этого хотелось. Может быть, в следующий раз ты не позволишь ей умереть».

Ведьмак посмотрел в ухмыляющееся лицо О'Димма. Он сжал челюсти и сглотнул. — Ты мог бы это сделать?

— Геральт, Геральт, — сказал он со смехом. «Я мало что могу сделать».

— Но ведь ты ведь не сделаешь это даром, верно?

«Ну, я торговец , Геральт, и я не был бы большим бизнесменом, если бы просто раздавал свои услуги бесплатно».

«Чего бы ты хотел – вернуть ее к жизни?»

«Ты уже знаешь ответ на этот вопрос, друг мой. Чего я всегда хочу?»

Ведьмак кивнул. "Душа."

«Небольшая цена, которую нужно заплатить, чтобы снова быть с любовью всей своей жизни, не так ли?»

Геральт долго смотрел на труп жены, его дыхание все еще было поверхностным и учащенным. Он представил блеск ее глаз, озорную улыбку, когда она дразнила его, ощущение ее губ, когда она его целовала. Он скучал по всему этому и даже большему. Он знал, что отдал бы все – даже свою жизнь – чтобы сохранить ей жизнь. Даст ли он теперь что-нибудь, чтобы вернуть ее? Но больший вопрос заключался в том, захочет ли она вообще этого. Наконец он оторвал взгляд от Иви и снова посмотрел на О'Димма, который снова стоял и расхаживал взад и вперед перед ведьмаком.

«Я не знаю», — ответил Геральт. «Эссея могла бы сказать… моя душа будет огромной ценой».

О'Димм рассмеялся. — О, пожалуйста, Эссеа?

Затем он перестал ходить, и его лицо стало серьезным.

«Тебя все еще волнует, что он думает – после того, что он с тобой сделал?»

"Что? Что ты имеешь ввиду?"

«Геральт, Геральт… бедный, жалкий Геральт». Выражение лица О'Димма выражало чистую снисходительность. «Ты знаешь не хуже меня, что ему нельзя доверять. Он тебя подвел. И не притворяйся, что у тебя не были такие же мысли. Я слышал, что ты сказала ему на горе. Он привел Иви к найти меч, но помог ли он ей, когда она нуждалась в нем больше всего? Ну, явно

нет. На самом деле он привел ее к ее смерти. А ты? Он прошептал тебе на ухо, чтобы она вернулась в Тарсус. Он прошептал тебе на ухо, чтобы спасти от этих бандитов и вылечить ее.

Он шептал, чтобы ты остался с ней, отдал ей свое сердце, женился на ней и защитил ее. Но, в конце концов, помог ли он тебе сделать то, что он приказал тебе сделать? Опять же, явно нет. Он бессильный бог, Геральт. Великий нарушитель обещаний... обещаний, которые он либо не может , либо просто не сдержит. Такой бог не заслуживает никакой лояльности. На самом деле, Я бы сказал, что такой бог вообще не является истинным богом. Он ничего не делает, кроме как забирает. Он отобрал твою ногу, забрал твоих друзей… он забрал твою дочь… и твою жену. Ты не обязан ему подчиняться».

Ведьмак и Мастер Зеркало уставились друг на друга. Наконец ведьмак сглотнул, а затем О'Димм широко улыбнулся.

«Но я, ты знаешь, я всегда выполняю свои обязательства. Ты видел мою силу. Ты знаешь, что я могу дать тебе то, что обещаю».

О'Димм снова присел низко, рядом с Геральтом.

«Все, что тебе нужно сделать, это сказать слово, Геральт, и я заставлю всю твою боль уйти».

Ведьмак несколько раз моргнул глазами. Капли пота стекали по ним, вызывая жжение.

«Но если я… если я отдам тебе свою душу…» У него начались проблемы с мышлением и речью. Он задавался вопросом, не начался ли бред. «Я не смогу… увидеть Иви на небесах».

«Ааа, Геральт… это самая большая ложь Эссеи. Что только те, кто следует за ним, попадают в рай. Позволь мне открыть тебе небольшой секрет, друг мой. У каждого есть загробная жизнь. Ты проведешь вечность с Иви, независимо от того, вы поклоняетесь Эссее, Фрейе, Мелителе или любому другому богу… или вообще не поклоняетесь богу.Ессейская религия — это не что иное, как большая афера: заставить вас поклоняться слабому, жалкому богу, поработить вас и потешить его огромное эго. Но это не что иное, как ложь. Так что скажешь, ведьмак? Ради тебя я даже готов поторговаться. Вот насколько ты мне нравишься, - с улыбкой закончил О'Димм.

Геральт посмотрел в глаза загадочному человеку. Они были такими темными, что действовали почти гипнотически. Ведьмак видел в них отражение своего лица. В конце концов Геральт отвел взгляд, заметил легкую улыбку на лице О'Димма, а затем перевел взгляд на труп жены. Он смотрел на нее с тоской в течение нескольких долгих мгновений, а затем его глаза сверкнули вправо – прямо мимо ее тела – всего на мгновение, прежде чем он вернул их в центр – уставившись на свою правую ногу. Посмотрев на свою культю, он медленно кивнул головой, едва заметно. Наконец, он снова посмотрел на О'Димма, и улыбка О'Димма стала шире.

— Я… — сказал Геральт, но не закончил свою мысль. Вместо этого он посмотрел на Иви и наклонился вправо, упав на живот.

Любопытное выражение мелькнуло на лице О'Димма, когда он увидел, как ведьмак пополз к жене.

— Да, Геральт? Ты что? — спросил О'Димм. — Тебе нужна моя помощь?

В этот момент Геральт был рядом с Эви. Он встал на колени и перерезал ремни, которыми она была прикреплена к носилкам. Затем он наклонился, поднял ее тело с земли и осторожно положил ее себе на левое плечо.

— Геральт, — сказал О'Димм, нахмурив брови. "Что ты делаешь?"

Ведьмак все еще стоял на коленях, но уже повернулся спиной к Человеку из Стекла и медленно направился к берегу реки. Когда он наконец добрался туда, он повернулся и посмотрел на О'Димма. Его руки дрожали, а лицо снова было покрыто потом.

«Ты прав, О'Димм. Ты слышал меня на горе… так что я не могу этого отрицать. Я был полон гнева… и у меня все еще полно вопросов. Итак, я должен спросить себя – кто я? доверять больше? Ему или тебе?»

Геральт сглотнул, чтобы отдышаться.

«Я должен признать. Вы приводите убедительные аргументы. Я бы хотел, чтобы Иви была жива и снова оказалась в моих руках. Есть только одна проблема. Пока я все еще узнаю, кто такая Эссея… Я знаю, кто вы. Может быть, и нет . именно такой, какой ты есть, но я знаю, кто ты».

Дыхание ведьмака было невероятно тяжелым. Одно усилие удержать Эви и поговорить утомляло его.

«Помни, я видел, как ты действуешь», — продолжил Белый Волк. «Неизвестно, какой извращенный трюк ты бы проделал, если бы вернул ее. Так что, даже если у меня все еще есть вопросы об Эссее… Я знаю , что не выбираю тебя».

При этом Геральт, держась за труп Эви, упал назад в сильный поток и был быстро унесен вниз по реке.

Когда О'Димм смотрел, как ведьмак исчезает в порогах, на его лице играла легкая улыбка.

«Ох, Геральт, от меня так просто не уйдешь. Веселье только начинается. До следующего, ведьмак».

А затем с хлопком в ладоши Человек из Стекла исчез.

http://tl.rulate.ru/book/100010/3433634